

II. Крутые повороты

(Из мемуаров Н.Г. Кузнецова)

Я никогда не страдал большим честолюбием и не стремился забираться на вершины служебной лестницы, но, признаться, мечтал стать командиром корабля — большого или малого — и, стоя на мостике, управлять им. Примером для меня являлись такие командиры, как К. Н. Самойлов, который командовал линкором, или Л. А. Поленов, которому довелось на крейсере “Аврора” служить мичманом в дни штурма Зимнего дворца и командовать этим же кораблем, когда мы в 20-х годах, будучи курсантами, ходили на нем в заграничные плавания.

Но судьбе было угодно в силу ряда причин то “поднимать меня высоко, то кидать вниз” и принуждать начинать службу сначала. Доказательством являются буквально уникальные изменения в моих званиях. За все годы службы я был дважды контр-адмиралом, трижды — вице-адмиралом, носил четыре звезды на погонах адмирала флота и дважды имел высшее воинское звание на флоте — Адмирала Флота Советского Союза.

До командирского мостика я проходил службу нормально: вахтенный командир, помощник командира, старший помощник командира крейсера и уже после окончания Военно-морской академии был назначен командовать крейсером “Червона Украина”. Три года я буквально наслаждался хотя и тяжелой, но такой приятной обязанностью управлять крупным кораблем.

В книге “На далеком меридиане” я рассказываю, как в один из спокойных дней мирной боевой учебы я получил приказ выехать в Москву неведомо зачем, а оттуда, уже не вернувшись на свой корабль, вылетел в Париж и Мадрид...

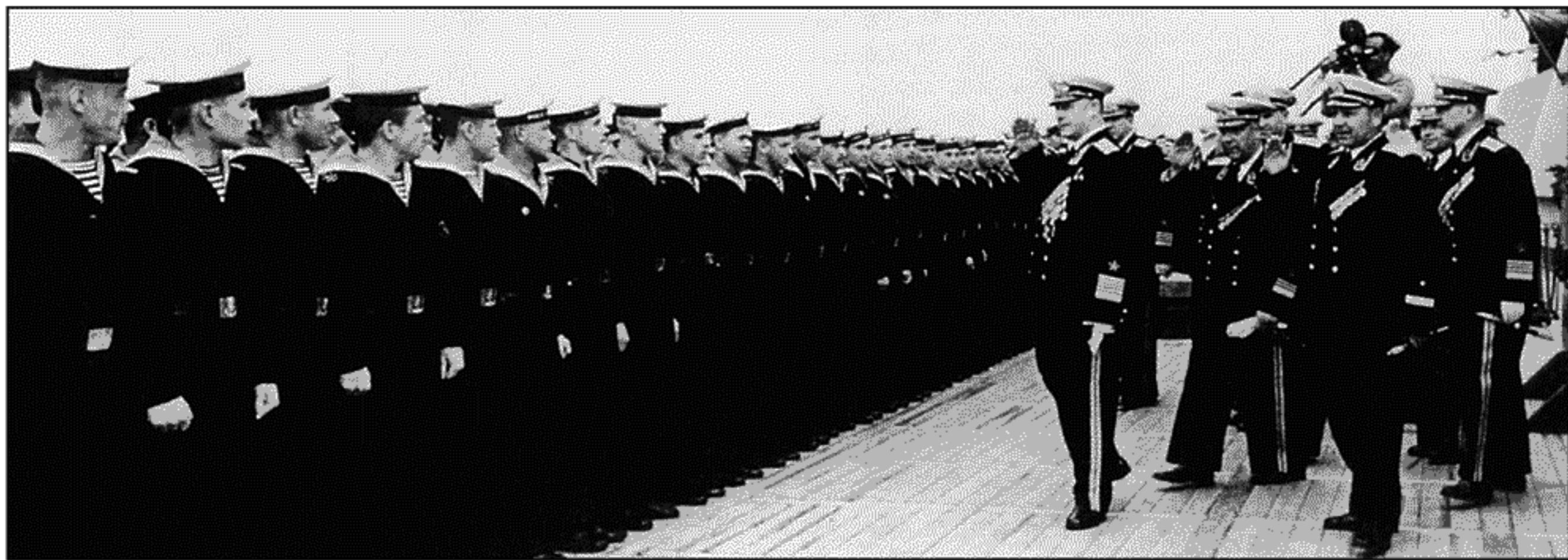
За год пребывания в Испании я невольно сроднился с испанскими моряками, участвовал в боевых походах и до конца гражданской войны не мечтал о перемене места службы. Но вот совершился новый и довольно крутой поворот. Вызов в Москву “для доклада”, кратковременный отпуск в Сочи и назначение на Дальний Восток. И снова, не славя дел своему заместителю, я спешно выехал во Владивосток. Резкий подъем, как у водолаза, всегда опасный и связанный с большой нагрузкой, совершился не по моей воле. Мне ничего не оставалось, как выполнять приказ. Всего несколько месяцев пробыл я в должности замкомфлота, и состоялось назначение на должность командующего огромным Тихоокеанским флотом. А тут еще известные хасанские события в 1938 году и напряженное положение на границе с Японией.

И вот снова крутой поворот. Создается отдельный Наркомат ВМФ. Я вхожу в Главный военно-морской совет и в декабре выезжаю в Москву на совет и, как делегат от Приморья, — на XVIII съезд партии.

После съезда совершился еще более неожиданный для меня крутой поворот. Ночной вызов к Сталину. Разговоры о флоте. На следующий день я был назначен первым заместителем наркома ВМФ. Наркома не было. На мои плечи легла огромная ответственность. Едва я вошел в курс дела, как в конце марта 1939 года по указанию ЦК ВКП(б) я вместе со Ждановым выехал во Владивосток. Нам было поручено убедиться, пригодна ли для строительства крупного порта бухта Находка. Вернувшись 25 апреля, я буквально через два дня был назначен наркомом ВМФ. И снова произошло у меня большое продвижение по службе. Требовалось много, очень много работы. На службу я всегда приходил ровно к 9 часам, а уходил далеко за полночь. Были молодость, здоровье и желание сделать как можно больше.

У меня, молодого тогда наркома ВМФ, были такие же молодые командующие, как и я сам, не имеющие боевого опыта, но все с полным напряжением сил готовили подчиненные им флоты к войне. “Борьба за первый залп” — так можно охарактеризовать предвоенные два года — 1939—1940-й. В чем суть этого лозунга? Опасность внезапного нападения — к чему было достаточно оснований — на флоте сознавали все и поэтому проводили сотни учений по быстрому повышению готовности на случай неожиданной войны. Оглядываясь назад, вижу немало ошибок и недоделок со своей стороны, но задним числом всегда видится больше и лучше. Как флоты встретили нападение фашистов и как они воевали, рассказано в мемуарах. Пусть об этом сказано неполно и субъективно. Здесь речь идет о другом.

Убеденный сторонник последовательного продвижения по службе, я повышался чересчур быстро, перескакивая некоторые инстанции и не выдерживая даже минимально положенного времени на некоторых должностях. Так, мне не пришлось командовать соединением кораблей и служить на штабной работе в центральном аппарате, подготавливая себя к должности наркома. Это, бесспорно, недостаток, который я признавал, пытался компенсировать его подбором опытных людей в свои заместители и чаще советовался с ними. Это оказывало положительное влияние, если заместителем работал такой на редкость нечестолюбивый и порядочный адмирал, как Л. М. Галлер, и несколько иначе было, когда моим первым заместителем был образованный, но довольно честолюбивый адмирал И. С. Исаков. Первый отдал себя целиком флоту и бескорыстно помогал, второй, помогая, требовал за это платы и при случае мог подставить ногу, о чем я откровенно писал, вспоминая один разговор в кабинете И. В. Сталина в 1946 году. Тогда Сталин прямо в его присутствии указал на И. С. Исакова, как на адмирала, настроенного властолюбиво против меня, а тот, смутившись, должен был выдержать при мне это замечание.

Кроме того, на высоком посту требуются не только знания и опыт, а и умение, как говорят, держаться крепко за кресло, в котором сидишь. У меня, признаться, в первые годы службы в Москве не было нужного опыта и никогда не было умения “держаться за кресло”. В этом отношении я оказался простаком, хотя ничуть не раскаиваюсь в своей излишней честности и прямолинейности.

И еще одно обстоятельство следует отметить. Только что созданный Наркомат ВМФ, да еще с молодым наркомом во главе, требовал особой осмотрительности в поведении. Я же был неопытен. Казалось бы, по совести и как коммунист, я должен был отстаивать интересы флота, но они часто входили в противоречие с интересами других видов Вооруженных Сил. Получался заколдованный круг. Не случайно уже после войны вопросы строительства флота стали для меня роковыми. Я осмелился настаивать (и очень резко) на своих предложениях перед такими могущественными фигурами, как И. В. Сталин, Н. С. Хрущев и Г. К. Жуков. Следовало не идти напролом, а как-то сманеврировать, отступить, затем наступать снова. Однако это было не в моем характере. Высокий руководитель должен не считаться со своими собствен-

ными интересами и опасностью быть снятым с поста, если дело касается принципиальных вопросов.

Итак, на мои плечи легла ответственность за подготовку к войне. Наркомат обороны, как пишет Г. К. Жуков, был занят по горло своими сухопутными войсками, и даже начальник Генштаба не мог выделить времени, “чтобы познакомиться с флотом”. Я был предоставлен в решении оперативных вопросов самому себе. К Сталину попасть было не всегда просто. Никто другой ответ давать не хотел. Но уже летом 1939 года стало очевидно, что “война на носу”, и, коль скоро ты нарком, принимай меры, чтобы она не застала флот врасплох. Я без труда убедил всех своих заместителей и руководителей на флотах в необходимости иметь детальные разработки и проводить многочисленные тренировки по повышению готовности флотов в короткое время. В ноябре 1939 года вышла первая основная директива Наркомата на этот счет, которая действовала и уточнялась на практике вплоть до рокового рассвета 22 июня 1941 года. Сколько учений было проведено на флотах! Сколько выводов сделано в предвоенный период!

Таким образом, допущенные промахи политического руководства по части повышения готовности всех Вооруженных сил не повлияли отрицательно на флот, а были в значительной степени исправлены.

Военно-Морской флот выдержал испытания. Ни один из приморских городов не был оккупирован с моря. Либав, Таллин, Одесса, Севастополь, Ханко, Ленинград — вот знаменательные вехи борьбы с врагом. Флотом, оперативно подчиненным сухопутному командованию, вопреки ожиданиям, приходилось налаживать тесное взаимодействие. До войны этот вопрос не был полностью разработан, разбираться в ходе войны было уже поздно, и мы стремились согласовывать все вопросы на ходу, не придавая первостепенного значения тому, кто кому будет подчинен, лишь бы бить врага. И “морская душа” в полосатой тельняшке оказала немалую помощь не только при обороне баз, но и в Ленинграде, Сталинграде, под Москвой и даже на Карельском фронте.

Больших упреков я в годы войны не получал.

Стоит признаться, что со временем я стал уверен в себе, упорно отстаивал интересы флота и осмеливался возражать даже самому Сталину, когда считал это нужным для дела.

На этом, собственно, я и “свернул себе шею”.

Предвоенный период и все годы войны для меня были исключительно тяжелыми, потому что, с одной стороны, надлежало, отбросив все сомнения и отложив философские рассуждения, делать все возможное для победы, а с другой — я не был в состоянии доказать иногда элементарных вещей в деле руководства флотами. “Почему так, а не иначе?” — все чаще и чаще возникало у меня в голове. Это не относилось, так сказать, к генеральной линии, но зарождалось при решении практических вопросов. Закончился этот период, когда в 1946 году был “ликвидирован” Наркомат ВМФ. Я тогда окончательно убедился, что не в моих силах бороться с теми порядками, которые сложились. Ведь я, по существу, сам (на что есть документы), первым предложил иметь единое военное командование — это вытекало из опыта войны. Но то, что было сделано, никак не походило на мои предложения. Окончательно вывело меня из равновесия заявление Кагановича на одном из совещаний по этому поводу: “Следует Наркомат ВМФ ликвидировать за ненадобностью”. Так и было записано через пару дней в постановлении.

Желая оглянуться на годы войны и собраться с мыслями, я решил пойти на более спокойную работу.* Однако все пошло по иному пути.

В деле “крутых поворотов” моим злым гением, как в первом случае (отдача под суд в 1948 году), так и во втором (уход в отставку в 1956 году), был Н. А. Булганин. Почему? Когда он замещал наркома обороны при Сталине, у меня произошел с ним довольно неприятный разговор из-за помещения для Наркомата ВМФ. Он тогда беспардонно приказал выселить из одного дома несколько управлений флота. Я попросил замену, он отказал. Согласиться с ним я не мог и доложил Сталину, Сталин, встав на мою сторону, упрекнул Булганина: как же выселяете, не предоставляя ничего взамен? Булганин взбесился. Придя в свой кабинет, он заявил мне, что “знает, как варится кухня”, пообещал при случае все вспомнить.

Вскоре подоспела кампания по борьбе с космополитами, и ряд дел разбирался в наркоматах. Некий В. Алферов, чуя обстановку (конъюнктуру), написал доклад, что вот-де у Кузнецова было преклонение перед иностранцами, и привел случай с парашютной торпедой. Подняли все архивы в поисках еще чего-либо более “криминального”. Я только удивлялся, как за всю бытность мою во главе Наркомата и в течение всей войны при очень больших связях, которые я вынужден был поддерживать с англичанами, американцами и другими союзниками, и всякого рода взаимных передачах во исполнение определенных директив и личных указаний, нашлось так мало или почти ничего сколько-нибудь существенного, что нарушало бы самые строгие нормы поведения. Булганин подхватил это и, воодушевившись, сделал все возможное, чтобы “раздуть кадило”. В тех условиях это было нетрудно сделать. Действовали и решали дело не логика, факты или правосудие, а личные мнения. Булганин к тому же мало разбирался в военном деле, хотя и хорошо усвоил полезность слушаться. Он и выполнял все указания, не имея своей государственной позиции. Он был плохой политик, но хороший политикан.

...Вызванный из Ленинграда вместе с Л. М. Галлером, я не знал, в чем дело. Помните, в поезде мы со Львом Михайловичем все гадали о причинах вызова. И не угадали. Оказалось, нам предстояло дать объяснение, почему было дано разрешение передать чертежи парашютной торпеды англичанам. Чертежи не были секретными, и их мог

* С февраля 1947 г. работал начальником ВМУЗов в Ленинграде.

«Я как коммунист должен говорить правду в глаза, как бы неприятна она ни была, если это идет на пользу делу».

Н.Г. Кузнецов